
РЕЦЕНЗИИ

ДОСТОИНСТВА И ПРОБЛЕМЫ СЕРЬЁЗНОГО ТРУДА

Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России: исследование и материалы / Науч. ред. М.В. Строганов. Тверь: СФК-Офис, 2012. 668 с.: ил. + 48 цв. ил.

В рецензии анализируется коллективная монография «Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России». Рецензент даёт свою оценку тому, как авторы монографии осмысливают отражение концепта «отечество» в авторской и народной поэзии, манифестах и анекдотах, дворянской и народной мемуаристике, изобразительном искусстве, исторической литературе; отмечает как, с его точки зрения, недостатки труда (отсутствие «полного методологического и концептуального единства» и т.п.), так и его достоинства (введение в научный и общественный оборот новых материалов).

Ключевые слова: 1812 год, Отечественная война, отечество, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, Ф.П. Толстой, С.Н. Глинка.

Писать отзыв на книгу, вышедшую три года назад, занятие, наверное, странное и во всяком случае выходящее за рамки обычной рецензии. Неизбежная ретроспективность взгляда придаёт ей черты историографической заметки – жанра неканонического, хотя, возможно, и необходимого. Уже слишком быстро меняется историографическая мода. К тому же, согласно поиску в базе РИНЦ и собственным наблюдениям, книга была плохо замечена, что, учитывая объём научной и научно-популярной литературы, выходящей к юбилею Отечественной войны, возможно, и неудивительно. Но есть казусы совершенно досадные. К примеру, авторы «первого опыта научной публикации» «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814)¹ называют свой труд «первым переизданием», ни разу не упоминая о том, что «Собрание» было републиковано в Твери тремя годами ранее. Отчасти этого полузабвения можно было избежать, разместив в сети электронную версию, однако в любом случае остаётся открытым вопрос, насколько эта незамеченность (вряд ли мы имеем дело с сознательным игнорированием) заслужена и оправдана.

Анонсированное в подзаголовке «исследование» представляет собой коллективную монографию, в которой, согласно аннотации, «впервые применяется семиотический подход к официальным документам, бытовым и литературным свидетельствам о военных событиях 1812 года, к памятникам изобразительного и декоративно-прикладного искусства». Кроме введения и заключения оно состоит из шести глав и приложений.

---

¹ Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / Подгот. текстов и приложений И. А. Айзикова, В. С. Киселев, Н. Е. Никонова. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Первые пять глав действительно посвящены отражению концепта 'отечество' в той или иной группе (или группах) источников, даже названия глав построены по одной схеме: «Отечество в...»: 1: «...авторской и народной поэзии» (М. В. Строганов); 2: «...манифестах и анекдотах» (А. И. Федута, при участии В. Е. Добровольской и М. В. Строганова); 3: «...дворянской и народной мемуаристике» (В. Е. Добровольская, Е. Н. Строганова); 4: «...изобразительном искусстве» (Е. Г. Милюгина и Э. Шорэ, при участии М. В. Строганова); 5: «...исторической литературе» (М. В. Строганов). В заглавиях явно не хватает одинарных кавычек или курсива, но уж как есть. Особняком стоит шестая глава, «Враг отечества» (М. В. Строганов, при участии Э. Шорэ), в которой рассматривается процесс складывания этого понятия, входящего с 'отечеством' в единое семантическое гнездо. Удачный ход, придающий замыслу дополнительную глубину.

Задачи, сформулированные во введении (М. В. Строганов, при участии Э. Шорэ), можно свести к четырём. «Нас интересует, почему война 1812 года стала называться отечественной, как и под влиянием каких причин сформировалось это понятие» (с. 10); «...не то, как концепт 'отечество' представлен в русском языке вообще, а то, как он реализуется в ментальности и идеологическом дискурсе того времени» (с. 11–12); «почему сформировалось само понятие отечественной войны» (с. 12); «как сформировался тот комплекс понятий, который мы теперь связываем с понятием отечественная война» (с. 13). Хронологические рамки исследования в основном охватывают 1812–1814 годы, «и совершенно пунктирно... последующие эпохи» (с. 14).

Оставляем читателю судить, насколько для постановки этих задач было необходимо долгое теоретическое вступление о мифологизации исторических фактов, «нарративном повороте» Н. Уайта и желании авторов освободить свой труд от любой идеологической заданности (с. 5–10). На наш взгляд (забежим вперёд), полного методологического и концептуального единства авторам всё равно достичь не удалось, а, к примеру, куда более важная историографическая часть оказалась на удивление куцей (с. 11–14). Список претензий можно множить: неясна необходимость для авторов введения приводить своё определение понятию *отечественная война*; непонятно почему, вопреки аннотации, во введении нет ни слова о семиотике и даже, если уж речь идёт об истории понятий, о семантике. Напрашивается мысль, что лучше бы название монографии включало два концепта; а если один, то им должен был стать концепт 'отечественная война'.

Снова забегая вперёд, отметим, что столь же расплывчато и смутно заключение (М. В. Строганов и Э. Шорэ), зачем-то не без публицистической эмоциональности озаглавленное «Её, как первую любовь, России сердце не забудет». Авторы заявляют, что будут «кратко обозначать» «этапы функционирования» понятия *отечественная война* (с. 245), но излагают периоды «в осмыслении войны 1812 года», ни разу не упоминая изучаемые концепты (с. 245–249). Основные выводы читатель найдёт в самом конце раздела, и они вряд ли его обрадуют, главным образом благодаря исключительной лапидарности, не дающей почти никакого представления о содержании проделанной работы. С небольшими сокращениями они выглядят так: «Подводя итог нашим наблюдениям, мы должны напомнить, что *отечественная война* – это сугубо

наше, отечественное (видимо даже – собственно русское) понятие. <...> Россия осмысляла свою государственную и национальную идентичность своим, оригинальным путём: не в период формирования буржуазных отношений, а фактически ещё в добуржуазный период <...> Именно это и выразилось в формировании представления о войне 1812 года как отечественной, – представления, глубоко погружённого в патриархальные отношения, которые <...> ещё далеко не изжиты нашей страной. Но хотя этот процесс осмысления воображаемого сообщества, национально-государственной идентичности реализовывался в формах реакционных, объективно он был процессом прогрессивным» (с. 249–250). И где же обещанная деидеологизация?

Ключевой для монографии, видимо, должна была стать первая глава («Отечество в авторской и народной поэзии»), где впервые перечислены и анализируются случаи употребления слов с корнем *отец/отеч* в уже упоминавшемся «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». По мнению М. В. Строганова, в словосочетаниях *сыны/дети/друзья отечества* последнее следует понимать не как «родную землю, отчизну, <...> государство», а как «состоянье отца, бытность отцом, родительство» (с. 18). Мы совершенно не представляем, как можно быть сыном состояния (отцовства), а не конкретного субъекта, пусть даже понимаемого метафорически, и даже временно встав на точку зрения исследователя, совершенно не согласны с тем, что в современном понимании, то есть как территория/страна, слово *отечество* употребляется авторами «Собрания» считанное количество раз. Также бездоказателен и тезис о том, что за понятием *отечества* стоят «патриархальные отношения» (с. 20). Утверждая, что «иногое русла, кроме как патриархально-традиционалистского и религиозно-монархического, для формирования категории отечества не существует» (с. 23), М. В. Строганов игнорирует громаду просветительского дискурса и соответствующей идеологии, к началу войны в немалой степени апроприированных российским образованным дворянством. Сравнивая частотность употребления слов *родина, отечество, отчизна* в современном (НВ) русском языке и в «Собрании», М. В. Строганов заявляет, что его авторы «перестраивают языковую норму и картину мира русского человека из политических соображений своего времени» (с. 25). Всё это не отменяет ценности наблюдений учёного об употреблении этих и родственных им понятий отдельными авторами; о сближении именно в эпоху 1812 года понятий *родина* и *отечество*, ранее весьма далёких друг от друга; об отсутствии понятия *отечества* в фольклорных песнях; о разном значении упоминаний Москвы в авторском и народном творчестве, и многих других.

Едва ли не полной противоположностью первой воспринимается вторая глава («Отечество в манифестах и анекдотах»), где указанные жанры рассматриваются А. И. Федутой как крайние точки публицистического спектра, скрывающие за собой произведения таких авторов, как Ф. В. Ростопчин и П. И. Шаликов (почему было не назвать главу «Отечество в публицистике: от манифеста до анекдота», остаётся загадкой) и где упоминания о «понятиях» выглядят как необязательные, а иногда как совершенно натянутые. Забрызганный с ног до головы собственной желчью и валокардином, читатель отдохнет на тексте А. И. Федуты, который последовательно и плавно переходит от

манифестов А. С. Шишкова к их сравнению с афишками Ф. В. Ростопчина и через П. И. Шаликова – к сравнительному анализу анекдотов Г. В. Геракова и С. Н. Глинки, оттенённых, в свою очередь, сборниками, составленными С. Ушаковым и Ф. Синельниковым. Глава – пример классического и простого по задачам сравнительного литературоведения, может быть смело перенесена в вузовское учебное пособие или прочитана в виде короткого курса лекций и ценна не смелыми революционными открытиями, а цельностью создаваемого образа и конкретными наблюдениями. Например, такими, что в манифестах Шишкова «собственно церковнославянизмов... не так уж и много» (с. 59); что он «не делал их полем литературной полемики» (с. 60); что в афишках Ростопчина, в отличие от манифестов Шишкова, реализуется установка не на объединение сословий, а на углубление пропасти между ними (с. 64); что исторический анекдот в 1812 году «претерпевает показательную метаморфозу, возрождаясь в форме, близкой к агиографической» (с. 74; заметим, что агиографический анекдот существовал и ранее, правильнее было бы написать, что война лишь вывела эту разновидность на первый план). И проч.

Наиболее обширная, третья глава («Отечество в дворянской и народной мемуаристике») вводит в понимание *отечества* новое содержание: это «не только территория, и даже не только люди, её населяющие, но и некий дух народа» (с. 88), но, к сожалению, эта мысль не получает сколько-нибудь более детальной разработки. Главную же свою задачу В. Е. Добровольская видит в выявлении, описании и подкреплении примерами содержательных мотивов, сопровождающих понятие *отечества* в мемуарных текстах (смерть за отечество, участие в войне представителей низших сословий, образы царя и «неправильного» француза и др.). Вопреки мнению М. В. Строганова, автор ничего не пишет об отцовстве, а чётко выделяет три черты *отечества* в дворянской мемуаристике, где в основе концепта лежит представление о территории и населяющих её людях: 1) «страна, находящаяся под Божественным покровительством»; 2) «Россия – это “правильная” земля, жители которой соответствуют представлениям о добре, справедливости и взаимовыручке»; 3) «Россия – “удалая страна”, жителям которой свойственны храбрость, смелка и меткое слово» (с. 116).

В качестве корпуса «народной мемуаристики» Е. Н. Строгановой проанализирован свод воспоминаний, собранных в 1860-е годы писательницей Екатериной Владимировной Новосильцевой. Важнейшим выводом можно считать тот, что, в отличие от мемуаров дворян и образованных купцов, в «народных» текстах «напрочь отсутствуют патриотический пафос и героическая риторика» (с. 125). Это в частности проявляется и в том, что «для её (Новосильцевой. – К. Б.) информантов истинной реальностью являются *Россия* и *Москва*, но вовсе не *отечество*, имеющее абстрактно-риторическое наполнение» (с. 129). Заканчивается глава ярким эпизодом со стихотворением, которое Новосильцева сконтаминировала из двух текстов, ранее входивших в состав «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», и включила в одну из народных легенд о событиях этого времени: оба эпизода, где употреблялось слово *отечество*, были ею выпущены за ненадобностью.

Очень интересна четвёртая глава («Отечество в изобразительном искусстве»), в которой объявлены три «предмета рассмотрения»: «карандашные

и акварельные портреты, запечатлевшие сынов отечества» – «опыт осмысления героического настоящего» (преимущественно на примере военной серии О. А. Кипренского); «проекты мемориальных медальонов» как «память о защитниках отечества и военных победах» (проекты Я. Я. Рейхеля, П. А. Галахова и других; медальоны Ф. П. Толстого); карикатура (главным образом, разумеется, И. И. Терехова), служащая «обличению врагов» (с. 132). К сожалению, глава не имеет вводной части и заключения, где эти три «предмета» хотя бы минимально были если даже не связаны, то хотя бы соотнесены друг с другом. Наибольшую ценность главе, на наш взгляд, придаёт её начальный эпизод, где рассматриваются картины ученика Академии художеств И. В. Лучанинова «Благословение ополченца 1812 года», задуманной ещё до начала войны как «Проводы рекрута» и написанной в том же году, и «Возвращение ратника в своё семейство из ополчения» (1815). Центральной в обеих картинах, написанных по заданию Академии, оказывается фигура отца-крестьянина, сначала благословляющего, а затем приветствующего вернувшегося сына (с. 133–134).

Е. Г. Милюгина в детальнейшем анализе медальонов Ф. П. Толстого и экфрасисов к ним обращает внимание на тот факт, что отечество в медальонах не получает персонифицированного изображения, аллегорически – в виде женских фигур – изображены лишь Россия и Москва. Однако настоятельно требующий защитника женский образ выводит на первый план фигуру этого защитника, которую можно интерпретировать как сына отечества, причём этот образ оказывается не статичным, а варьирующимся от сюжета к сюжету.

Для пятой главы («Отечество в исторической литературе») характерно возвращение к *отечеству* как концепту, и именно здесь читатель впервые узнаёт о возникновении этого понятия и его бытовании в XVIII веке. Заслуживает внимания подборка цитат из законодательных актов Павла I, в которых оно было использовано (с. 176–178). Впрочем, к Словарю Академии российской (Ч. 4), где дано ясное определение слову *отечество*, читателю придётся обращаться самостоятельно. М. В. Строганов исходит из того, что в России сталкивались «две модели трактовки ‘отечества’: и патерналистская, и буржуазно-либертинская» (с. 179), и рассматривает с этого ракурса статью Н. М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости», «Рассуждение о любви к отечеству» А. С. Шишкова, трагедию М. В. Крюковского «Пожарский». Автор устанавливает время появления понятия *отечественная война* в публицистике – 1815 год, тексты Н. И. Греча и особенно Ф. Н. Глинки, специально отмечая, что распространённое мнение, будто учреждённая в 1813 году медаль участникам войны 1812 года называлась «В память отечественной войны 1812 года», ошибочно (с. 190–192). Понятие появилось не в правительственных кругах и официальных текстах, а в сочинениях частных лиц. Однако, по мнению М. В. Строганова, у Ф. Н. Глинки оно «означает “война за отечество” и ничего более» (с. 196). Автором же понятия, видимо, можно считать Д. И. Ахшарумова, автора «Исторического описания войны 1812-го года», вышедшего в 1813 году (с. 197). Впрочем, он употребляет понятие в том же значении, что и Ф. Н. Глинка, и насыщению его новыми смыслами посвящена остальная часть главы, в которой рассмотрен ряд текстов вплоть до романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

В шестой главе, «Враг отечества», реконструирована история появления (конец XVIII века) и распространения этого понятия и его семантического насыщения.

Вынесенные в «приложения» материалы – это «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (с. 253–619), «Русские анекдоты военные, гражданские и исторические» С. Н. Глинки (с. 621–655) и «Описание резных изображений с медалей, представляющих знаменитейшие воинские действия, происходившие в 1812, 1813 и 1814 годах» А. С. Шишкова (с. 656–682).

«Собрание стихотворений» издано полностью и откомментировано (подготовка текста Н. З. Коковиной и М. В. Строганова; комментарий М. В. Строганова). Основательно проанализирован состав издания и его источники, дан «Аннотированный указатель авторов». Все это менее подробно, чем в издании 2015 г., но для 2012 года было прорывом в изучении «Собрания», и усилия коллег заслуживают признательности.

«Русские анекдоты» С. Н. Глинки републикованы фрагментарно. Составитель (подготовка текста и комментарии А. И. Федуты) выбрал «анекдоты, отражающие особенности сюжетного мышления и стиля С. Н. Глинки. Опущены связные биографии героев Отечественной войны (за исключением жизнеописания М. И. Кутузова, композиционно представляющего собой цикл анекдотов), тексты, принадлежность которых другим авторам отмечена самим С. Н. Глинкой, а также тексты, представляющие собой описание реакции на рескрипты высочайших особ и журнальные статьи, жанрово не подпадающие под определение анекдота и носящие, скорее, репортажный характер» (с. 621). Принимая во внимание неизбежные ограничения объёма, выделенного под это приложение, и отдавая должное стремлению публикатора аккуратно и безупречно обосновать сделанные купюры, не можем не заметить, что объяснение представляется нам недостаточным. С. Н. Глинка обладал чувством жанра и стиля, и включение им в сборник «Русских анекдотов» как биографий, так и журнальных статей должно было отвечать его тогдашним представлениям (судя по переизданию 1822 года, довольно устойчивым) о границах жанра, а потому любое изъятие текстов – менять композицию сборника, место в нём отдельных персонажей, тем и сюжетов, а значит, вероятно, систему образов и идеологию. В том случае, если А. И. Федута считает, что сокращённая публикация даёт адекватное представление о первом, втором и третьем, это стоило по меньшей мере оговорить. Ведь даже в том случае, если при публикации в «Русском вестнике» анекдоты представляли собой «не связанный формальным единством цикл» (что спорно), то в сборнике они это единство неизбежно приобретали.

При публикации «Описаний резных изображений с медалей...» (подготовка текста Е. Г. Милюгиной) можно было во вступительной заметке указать, что альбом с «Описаниями» был переиздан компанией «Тритона» в 2008 году.

Замечательные иллюстрации, подобранные Е. Г. Милюгиной, размещены на трёх цветных тематических вкладышах («альбомах»), в главе 4 и вставлены в качестве заставок и концовок. Полный список иллюстраций (с. 683–687) заслуживает отдельной благодарности (из досадных мелочей, совершенно не трудных в исполнении, стоит указать только на отсутствие номеров страниц

для последних трёх категорий, что избавило бы читателя от необходимости «прыгать» в оглавление), но он выглядит каким-то изощрённо щегольским издевательством на фоне отсутствия именного указателя. Для почти семисот-страничного издания это следует считать, конечно, серьёзнейшим недостатком; опять-таки, это было бы отчасти простительно, если бы составители одновременно с выходом книги из печати разместили в сети на широко посещаемых или хотя бы авторитетных ресурсах электронную версию. Вспомним, сколько раз каждый из нас призывал божьи кары на головы тех, кто игнорирует законные интересы коллег, манкируя составлением справочного аппарата. Наказание полузабвением за этот грех кажется нам вполне заслуженным, а вот истёк ли по нему срок давности, каждый решит для себя сам.

К. Г. БОЛЕНКО